

По словам английского мыслителя **И.Берлина**, со времен высокого Просвещения считалось, что "мир был единым, умопостигаемым целым", что "истина равно очевидна повсюду и для всех разумных созданий"*: "...Даже те, кто не верил в бессмертие или в Бога, были готовы страдать и умереть за истину, ибо найти истину и жить согласно ей — было конечной целью каждого. Такова была вера платоников и стоиков, христиан и евреев, мусульман, деистов и атеистов-рационалистов"**. Но, как с явной горечью констатирует этот автор, после конца эпохи Просвещения, особенно же в XX в., представления о существовании единой и общеобязательной Истины подверглись сомнению. По его мнению, национализм, фашизм, марксизм, каждый со своей стороны, выступили за утверждение своих, исключительных истин (национальных, расовых, классовых). Кстати, одним из первых сторонников идеи множественности взаимоисключающих истин был первый современный теоретик общественного мнения **У.Липпман**. Значительная часть работ уже цитированного **Х.Гадамера** (1900-2002 гг.) посвящена основательной критике классических воззрений на Истину. В минувшем веке представление о единой и высокой Истине, спустившись с романтических высот на землю, поглощенную социальными проблемами и конфликтами, как бы разбилось вдребезги. Конец претендовавших на величие псевдосакральных идеологий во второй половине XX в. (фашистской, марксистской) фактически поставил точку в этом процессе.

Стоит отметить, что первые шаги на таком пути практически везде воспринимались как возвращение к возвышенным идеалам. Отсюда псевдосакральные авторитеты и критерии политических культов, а также идолы Прогресса, Равенства, Революции, Модернизации и т.д. А идолы требовали поклонения и жертв как будто во имя достижения собственного успеха любой ценой.

Современное общественное мнение во всем мире имеет дело не с Истиной, а с многочисленными и соперничающими представлениями об удобных, модных, полезных, научных и т.д. "истинах" (во множественном числе и с малой буквы). В русской языковой традиции их чаще всего называют "правдами" (как известно, в английском, немецком, французском языках эти термины не различаются). В современном словоупотреблении сам термин "правда" имеет явно выраженный социальный смысл. Он действует преимущественно в рамках смысловой оппозиции "правда—неправда", как средство утверждения определенного социально значимого соотношения мнений, оценки и т.п. (Формулы типа "правда (такого-то) учения, лица и пр." заведомо несовременны, это наследие сакрализованной традиции.) "Правда" — это не просто то, что считается правильным в рациональном расчете или привычном суждении, этот термин всегда явно или неявно подвергается социальной "ратификации" — признанию соответствующего утверждения социально значимым, полезным, необходимым, т.е. занимающим определенное место в поле социальных координат, исполняющим требование некоторой социальной нормы. Это значит, что статус правды (в ее оппозиции с неправдой) имеет не какой-либо факт, событие и т.п., а его общественное значение, его интерпретация.

Многообразие "малых" правд, наблюдаемое в современных и особенно в переходных обществах, означает наличие "нормативного плюрализма", не сводимого к какой-либо единой "большой" Правде-истине. Однако это не означает, что господствует "нормативный хаос", всеохватывающая аномия и т.п. Стоит вспомнить, что в конце XVIII в. в просвещенных элитах был широко распространен страх

нормативного распада, порожденный французскими событиями. Ситуация повторилась — в ином и значительно усиленном виде — в конце следующего, XIX в. (тогдашний модернизм, мироощущение "конца века"). Сегодня о всеобщем нравственном кризисе говорят больше всего там, где с историческим запозданием происходит десакрализация нормативных систем и связанное с этим "приземление" господствующих социальных норм. Понятно, что это относится и к нашей стране, как будто надолго застрявшей на историческом перекрестке, где сошлись почти одновременно переоценка и десакрализация религиозных, политических, моральных критериев, казавшихся незыблемыми. (В этом перечне фигурирует и религия, так как наблюдаемое возрождение церковной жизни не возвращает ей функции высшего мировоззренческого и нравственного контроля в обществе.)

В обществах, прошедших подобные катаклизмы ранее и в разные периоды, десакрализация и переоценка высших нормативных конструкций означали не только приземление "высших" нормативных структур, но одновременно и утверждение важности, серьезности "низших", обыденных, практически-ценностных и утилитарных уровней таких структур. Трудное избавление "человеческих" отношений от сакрального и псевдосакрального контроля происходит по мере того, как утверждается серьезность обыденного, впитавшего наследие длительной и многообразной культурной традиции. Наше общественное сознание пока и не без оснований заиклено на одной стороне этого процесса — на его трудности, мучительности, противоречивости. Отсюда и встревоженные суждения о релятивизации всех и всяческих нормативных критериев. Отсюда же и перипетии таких категорий, как "истина" и "правда" в общественном мнении.

Завершить статью уместно еще одной поэтической цитатой:

*"Но все масштабы эти помня,
Свои забыть нам не дано.
И берег — тверд,
Земля — огромна
И жизнь серьезна все равно".*

Н. Коржавин

**Елена АВРААМОВА,
Дмитрий ЛОГИНОВ**

Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки

Социально-экономическая адаптация к произошедшим в обществе переменам стала предметом научного интереса начиная с середины 90-х годов. Общим выводом проведенных исследований стало то, что масштабы и скорость осуществления реформ не соответствовали адаптационным возможностям большинства населения. По нашим данным, совпадающим с результатами других исследований, число относительно хорошо адаптированных составляет не более 25% населения и практически не расширилось за все годы перемен. Диспропорции в характере и масштабах преобразований и возможностях приспособления к ним обозначили кризисный характер адаптации. Он, в частности, проявился в том, что поначалу поддержанные населением реформы впоследствии были отторгнуты значительной его частью. Поэтому вопросом для обсуждения стало соответствие "человеческого материала" целям модернизации и соответствие

* Берлин И. Европейское единство и превратности его судьбы / Предисл. Б.Дубина // Неприкосновенный запас. 2002. № 1. С. 5.

** Там же. С. 8.

человеческих возможностей социально-экономическим условиям, которые создавались в ходе реформ.

Задача адаптации связана с мобилизацией всех имеющихся ресурсов, которые могут рассматриваться как "основания для индивидуального самоуважения в связи с активностью, интенсивностью работы или иного достижения, предполагающего высокий доход, общественное признание и т.п."* В зависимости от наличия, уровня и комбинации ресурсов люди и пытаются выстраивать модели адаптационного поведения. Но успешность адаптации обеспечивается как степенью развития ресурсов, так и качеством внешней среды, востребующей или не востребующей людей, обладающих хорошим образованием, высоким профессионализмом и т.д. Таким образом, проблема состоит не только в наличии и развитости адаптационных ресурсов, но и в их "ликвидности".

До настоящего времени не сложилось общепринятой классификации адаптационных ресурсов. Изучение отдельных показателей не дает полного понимания структуры адаптационного потенциала и возможности оценки его влияния на формирование успешных моделей социально-экономического поведения. Предлагаемый нами подход позволяет объединить нематериальные ресурсы адаптации в единый комплексный показатель. Мы ограничимся именно нематериальными ресурсами, поскольку обесценивание доходов и сбережений граждан в начале 90-х годов поставило их перед необходимостью опираться исключительно на собственные знания, умения и способности. Нематериальными адаптационными ресурсами следует считать те, которые не могут быть "отчуждены" никакими социальными экспериментами — это достигнутый уровень образования, культуры, профессиональной квалификации, а также выстроенные человеком социальные связи. Адаптационные ресурсы выступают в качестве внутреннего капитала человека. Такое определение возможно на основе расширительного трактовки понятия "капитал", позволяющего относиться к нему не только материальные, но и нематериальные активы. Человеческие ресурсы — "форма капитала, потому что они являются источником будущих заработков или будущих удовлетворений, или того и другого вместе"***.

Делая попытку расчитать интегральный показатель адаптационного потенциала, мы исходим из предположений:

— о *принципиальной сопоставимости адаптационных ресурсов*. Поскольку развитие каждого ресурса поступательно, то могут быть определены некоторые интервалы, характеризующие уровень развития каждого из них. Исходя из этого мы предлагаем *балльную интегральную оценку адаптационного потенциала*, в соответствии с которой "1" означает минимальный уровень развития ресурса, а "5" — *максимальный****;

— о *равновесности адаптационных ресурсов* — возможности компенсировать недостаток одного ресурса другими.

Оценка адаптационного потенциала представляет значительную методологическую проблему, связанную с тем, что не все индикаторы, характеризующие уровень развития каждого ресурса, хорошо разработаны и тем более представлены в социальной статистике. Компенсировать этот недостаток призвана социологическая информация,

которая содержит отдельные, но, к сожалению, не все необходимые параметры*.

Адаптационные ресурсы оценивались нами следующим образом. *Образовательный капитал* (ОК) рассчитывался как ОК = 1 при уровне образования ниже общего среднего; ОК = 2 при общем среднем образовании; ОК = 3 при среднем специальном образовании; ОК = 4 соответствует *высшему* или незаконченному высшему образованию; ОК = 5 при наличии ученой степени кандидата или доктора наук.

Профессиональный капитал (ПК) рассчитывался по самооценке профессионализма: ПК = 1, если уровень профессионализма оценивается как "низкий"; ПК = 2 при средней оценке профессионализма; ПК = 3 при высокой оценке профессионализма; ПК = 4, если респондент оценивает себя как "высококлассного профессионала"; ПК = 5 при высокой самооценке профессионализма, допущенной востребованностью на рынке труда (респондент получал предложения о работе).

Алгоритм расчета *информационно-культурного капитала* (ИКК) строился на основе комбинации используемых респондентом возможностей развития этого ресурса. Значение ИКК соответствует числу элементов формирования ресурса, которые он использует. К таким элементам относятся: посещение театров, кино, музеев и т.д.; чтение книг, газет, журналов и т.д.; просмотр телепрограмм; работа с компьютерными программами, базами данных, сетью Интернет; владение иностранным языком. ИКК = 1 при наличии одного любого элемента культурно-информационного ресурса; ИКК = 2 — любых двух элементов; ИКК = 3 — любых трех элементов; ИКК = 4 — любых четырех элементов; ИКК = 5 — всех элементов культурно-информационного ресурса.

При определении алгоритма расчета *капитала социальных связей* (КСС), или *социального капитала*, выделяются три уровня используемых социальных сетей. В социальные связи *низшего* уровня вовлечены все люди уже потому, что они являются гражданами государства и имеют возможность получить минимальную государственную социальную поддержку (пособие по безработице, субсидии по оплате коммунальных услуг и т.п.). Если респондент получает помощь только при взаимодействии с соответствующими социальными институтами, то КСС = 1. КСС = 2 баллам в случае получения помощи от друзей, знакомых, проживающих отдельно родственников (в домашнем хозяйстве, вещами, продуктами, деньгами); КСС = 3 в случае получения одного любого вида помощи в решении важных проблем (образование, лечение, жилищные проблемы, устройство на работу); КСС = 4 — двух любых видов помощи в решении важных проблем; КСС = 5 — трех или четырех видов помощи в решении важных проблем.

Оценка развитости адаптационных ресурсов представлена в таблице 1.

Достаточно высоким уровнем образования и квалификации обладает четвертая часть респондентов. Из сопоставления приведенных распределений видно, что явным образом выделяются социально дефицитные ресурсы. К ним в первую очередь относится социальный капитал, ресурс, который, по данным наших исследований, признается респондентами главным условием успешной *адаптации*** , при этом развитыми социальными связями обладают менее 10% респондентов, а около 50% опрошенных сообщают,

* Гудков Л.Д. Реформы и процессы общественной примитивизации // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под ред. Т.И.Заславской. М.: МВШСЭН, 2001.

** Капелюшников Р. Современные западные концепции формирования рабочей силы. М.: Наука, 1981.

*** Поскольку в качестве основных нами определены четыре вида элементов адаптационного потенциала, его максимальная интегральная оценка равна 20 баллам.

* Здесь используются данные исследования ИСЭПН РАН, проведенного в 2000 г. по репрезентативной для России выборке (объем выборочной совокупности 4 тыс. домохозяйств).

** Аврамова Е, Александрова О. Adaptation and Changing Status // Sociological Research. North-Eastern University. 2000. Vol. 39. N 4.

Таблица 1
Балльная оценка адаптационных ресурсов (в %)

Число баллов	Доля респондентов, обладающих соответствующими ресурсами			
	Образовательный капитал	Профессиональный капитал	Культурно-информационный капитал	Социальный капитал
1	20	18	12	47
2	20	29	48	22
3	34	29	23	22
4	25	20	12	7
5	1	5	5	3

что не рассчитывают ни на родственную, ни на дружескую помощь в материальных и бытовых вопросах. Здесь, на наш взгляд, можно искать причины неразвитости гражданского общества, проистекающие из особенностей псевдоколлективизма советской эпохи и последующей приватизации частной жизни, на деле превращающейся в социальную изоляцию. Отсюда же — массовые упования на государство как на главного и единственного помощника и защитника.

Другим дефицитным ресурсом выступает культурно-информационный капитал, инновационные элементы которого, прежде всего владение компьютером, рассматриваются сегодня как безусловное преимущество на конкурентном рынке труда. Освоение новых культурно-информационных каналов потребовало значительных затрат и денег, и энергии, к чему большинство населения оказалось не готово.

Распределение по величине суммарного адаптационного потенциала (рис. 1) показывает, что модальным значением является "9" — таков ресурсный потенциал 13% населения. На рисунке видно, что до этого значения происходит монотонное увеличение ресурсного потенциала, а после "9" столь же монотонное снижение.

Для дальнейшего анализа потребовалось типологизировать оценки ресурсного капитала по уровню его развития. К "слабому" ресурсному потенциалу относится сумма баллов, соответствующая значениям от 1 до 7; к "среднему" — от 8 до 12; к "сильному" — от 13 до 20 (максимальное значение)

Более половины населения, как следует из приведенных ниже данных, располагает средним уровнем ресурсного потенциала адаптации, а наименее представительным является наиболее развитый тип ресурсной обеспе-

ченности, ресурсный же потенциал четверти населения страны можно оценить как низкий. Приведем типологию ресурсного потенциала социально-экономической адаптации населения (в % от общего числа опрошенных):

Тип ресурсного потенциала адаптации	%
Слабая ресурсная обеспеченность	24
Средняя ресурсная обеспеченность	59
Сильная ресурсная обеспеченность	18

Даже высокая обеспеченность ресурсами автоматически не приводит к успешной адаптации. Невысокая доля успешно адаптированных ставит проблему капитализации ресурсов, т.е. наличия возможностей их эффективной реализации в сложившейся институциональной среде. О том, что такая проблема существует и стоит достаточно остро, свидетельствуют данные таблицы 2. Слабая адаптация 60% респондентов, обладающих низким ресурсным потенциалом, вполне понятна. Но слабая адаптация трети населения, ресурсный потенциал которого оценен как средний, и тем более наличие среди плохо адаптированных почти 20% респондентов, располагающих высоким ресурсным потенциалом, превращается в серьезную проблему, нерешенность которой чревата постоянным латентным социальным напряжением.

Таблица 2
Связь ресурсного потенциала адаптации с реальным уровнем адаптации (в % от общего числа опрошенных в каждом типе ресурсного потенциала)

Тип ресурсного потенциала	Уровень адаптации		
	низкий	средний	высокий
Слабый	65	30	5
Средний	37	51	13
Сильный	19	51	30

О неполной реализованности ресурсов адаптации населения свидетельствуют и данные таблицы 3. Менее половины респондентов добились материального успеха вследствие реализации своего высокого ресурсного потенциала.

Сопоставление данных таблиц 2 и 3 показывает еще одну важную особенность. Если более 40% респондентов, обладающих развитыми адаптационными ресурсами, сумели добиться достаточно высокого уровня жизни, то хорошо адаптированными ощущают себя лишь 30%. Причина этой диспропорции заключается в особенностях форм адаптационного поведения, часто связанных с потерей

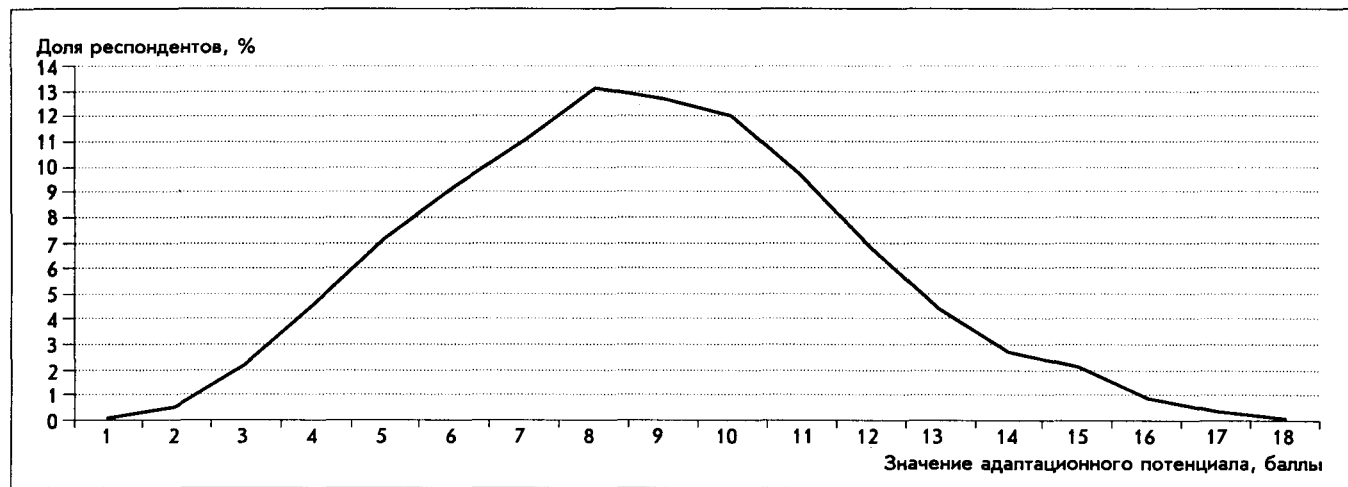

Рис. 1. Распределение респондентов по величине накопленного адаптационного потенциала

Таблица 3

Связь ресурсного потенциала адаптации с уровнем материальной обеспеченности
(в % от общего числа опрошенных в каждом типе ресурсного потенциала)

Тип ресурсного потенциала	Уровень материальной обеспеченности		
	низкий	средний	высокий
Слабый	34	55	11
Средний	13	63	24
Сильный	4	52	44

Таблица 4

Связь ресурсного потенциала адаптации с уровнем самоидентификации
(в % от общего числа опрошенных в каждом типе ресурсного потенциала)

Тип ресурсного потенциала	Тип самоидентификации				
	низкий слой	ниже среднего	средний слой	выше среднего	верхний слой
Слабый	22	42	35	1	0
Средний	6	30	59	5	1
Сильный	2	18	64	14	2

статуса, утратой социального престижа и самоуважения. Об этом свидетельствуют и данные таблицы 4.

Слабый ресурсный потенциал тесно коррелирует с низкой статусной самооценкой. Социальная самоидентификация группы, располагающей средним ресурсным обеспечением, уже заметно смещена в сторону средних социальных самооценок. Самая противоречивая ситуация складывается в группе с сильным ресурсным потенциалом: ее абсолютное большинство тяготеет к средней социальной самооценке, но при этом 20% склоняются к низким статусным группам и лишь 14% — к высоким. Представляется, что это свидетельствует о том, что процесс успешной адаптации прошли лишь те, кто имеет высокий ресурсный потенциал, но при этом обладание развитыми ресурсами еще не означает успешной адаптации.

С точки зрения перспектив адаптации было интересно выяснить, отличается ли поколение, сформировавшееся после 1990 г., от тех, кто накапливал (или начал накапливать) ресурсы еще при советской власти. Кроме того, важно понять, насколько "ликвидны" ресурсы адаптации, существует ли прямая зависимость между их развитостью и результатами адаптации, ее материальным и социальным выражением.

Мы разбили массив на четыре условные возрастные группы:

- 1 группа (до 29 лет) — полностью "новый" ресурсный капитал;
- 2 группа (до 39 лет) — обновленный ресурсный капитал;
- 3 группа (до 49 лет) — преимущественно "старый" ресурсный капитал;
- 4 группа (от 49 лет до пенсионного возраста) — полностью старый ресурсный капитал.

Из приведенных данных (табл. 5) следует, что, "новый" ресурсный капитал по объему оказался значительно более развитым, нежели "старый". Из этого следует, что, с точки зрения объема накопленных ресурсов, возрастные группы изначально имеют неравные шансы адаптации. Более полное представление о межпоколенческих различиях дают данные таблицы 6.

Структура образования самой старшей возрастной группы качественно отличается: в ней самое низкое пред-

Таблица 5

Распределение возрастных групп по объему ресурсов
(в % от общего числа опрошенных в каждой возрастной группе)

Возрастная группа	Тип ресурсного потенциала адаптации		
	слабая ресурсная обеспеченность	средняя ресурсная обеспеченность	сильная ресурсная обеспеченность
1	10	57	33
2	10	65	25
3	14	68	18
4	40	52	9

Таблица 6

Распределение респондентов по величине накопленных ресурсов адаптации (в %)

Возрастная группа	Величина образовательного капитала				
	ОК=1	ОК=2	ОК=3	ОК=4	ОК=5
1	5	28	32	36	0
2	3	20	47	30	1
3	6	23	42	27	2
4	38	16	26	19	2
	Величина профессионально-квалификационного капитала				
	ПК=1	ПК=2	ПК=3	ПК=4	ПК=5
1	23	33	27	14	3
2	10	29	38	18	4
3	9	28	33	24	6
4	24	27	22	22	5
	Величина информационно-культурного капитала				
	ИКК=1	ИКК=2	ИКК=3	ИКК=4	ИКК=5
1	6	24	25	25	20
2	5	40	32	16	7
3	7	49	30	12	3
4	17	60	16	6	2
	Величина капитала социальных связей				
	КСС=1	КСС=2	КСС=3	КСС=4	КСС=5
1	27	16	31	15	10
2	37	24	25	10	4
3	51	19	21	8	2
4	56	24	16	3	1

ставительство людей с высшим образованием (ОК = 4), при этом почти 40% ее представителей не имеют законченного среднего образования. Во всех последующих поколениях этот образовательный предел перейден. Каждая последующая возрастная когорта содержит все большую долю людей с высшим образованием, а самая молодая группа отличается тем, что уже на треть является высокообразованной*. Что касается профессионализма, то это, напротив, преимущество старших возрастов. И младшая, и старшая группы включают значительное число плохо профессионально подготовленных, но если в младшей возрастной группе этот недостаток может быть со временем устранен, то в старшей — это заведомая неконкурентоспособность на рынке труда.

Сравнение значений культурно-информационного ресурса наиболее явно показывает разрыв между поколениями. Старшая возрастная группа пользуется преимущественно традиционными культурными каналами (телевидение, чтение). Лишь единицы из этой группы смогли

* Здесь мы не касаемся качества высшего образования, которое, как следует из ряда исследований, уступает прежнему.

Таблица 7

Распределение возрастных групп по числу высокообразованных ресурсов адаптации
(в % от общего числа опрошенных в каждой возрастной группе)

Число высокообразованных ресурсов адаптации	Возрастная группа			
	1	2	3	4
0	34	46	47	62
1	28	30	32	25
2	22	15	15	10
3	13	8	7	3
4	3	1	1	0

освоить новые информационные технологии. Не вполне удалось это и средним поколениям. На этом фоне поколение, формировавшееся в 90-е годы, действительно выглядит "продвинутым", хотя и содержит в себе четверть тех, чей низкий культурно-информационный капитал сближает их со старшими. И еще одно отличие "новых" ресурсов: социальные связи младшей возрастной группы значительно более плотные. Поскольку мы определяли предметность социальных связей, вряд ли более высокие показатели развития этого ресурса можно объяснить лишь этапом жизненного цикла, на котором дружеское общение играет наиболее значимую роль.

Оценим теперь шансы адаптации разных поколений исходя из наличия развитых адаптационных ресурсов (табл. 7).

В старшей группе доля тех, кто не имеет ни одного высокообразованного ресурса, на который можно было бы опереться и выстраивать сколько-нибудь успешную адаптационную стратегию, превышает 60%; в средних группах таких — около 45%, а в младшей — только 33%, доля хотя и большая, но все же не критичная. Один развитый ресурс (это, как правило, либо образование, либо профессионализм) имеет примерно четверть каждой возрастной группы, а комбинация ресурсов высокой степени развитости — приоритет тех, кто формировался уже при новом режиме.

Прямая зависимость успешности адаптации от уровня ресурсной обеспеченности прослеживается на рисунке 2*.

Если использование максимальной реализации адаптационного потенциала можно рассматривать как шанс или стратегию, позволяющую выстроить относительно успешную модель социально-экономического поведения, то надо признать, что обладатели "старого" ресурсного капитала практически не имеют шансов успешно адаптироваться в новых условиях. Отсюда — массовые патерналистские ориентации старших возрастных групп, а в нашем случае — это не "третий возраст", а те, кто в начале 90-х годов только перешел 40-летний рубеж. Немного лучше ситуация средних возрастных когорт. В отсутствии целенаправленной социальной политики, нацеленной на обновление ресурсного капитала среднего поколения, его ресоциализацию, пассивные патерналистские ожидания распространяются и на него.

Уровнем ресурсов, адекватным требованиям конкурентной среды, в массе обладают лишь молодые. Благодаря собственным усилиям, своим семьям, инвестирующим в образование, наконец, государственным структурам, обеспечивающим доступ к образованию и информации**, молодежь, во всяком случае ее значительная часть, получила сравнительно неплохие шансы добиться успеха, измеряемого уровнем благосостояния и социального комфорта. Но сформировавшиеся на сегодняшний день социально-экономические условия таковы, что даже высокообразованные ресурсы часто оказываются нереализованными, а если и востребуются, то в иллегальной экономической среде. Сможет ли изменить ситуацию "поколение next"? Оно, как мы видим, имеет необходимые ресурсы для того, чтобы эффективно действовать в новых социально-экономических условиях. Подходят ли ему эти условия, не тесно ли ему в них, какими установками и мотивациями оно будет руководствоваться, что захочет и сможет изменить? Вот вопросы, от которых во многом зависит будущее страны.

* Самооценка адаптации измерялась по девятибалльной порядковой шкале, где "1" — минимальный уровень, а "9" — максимальный.

** Соотношение этих субъектов социализации представляет собой отдельную проблему и здесь не обсуждается.

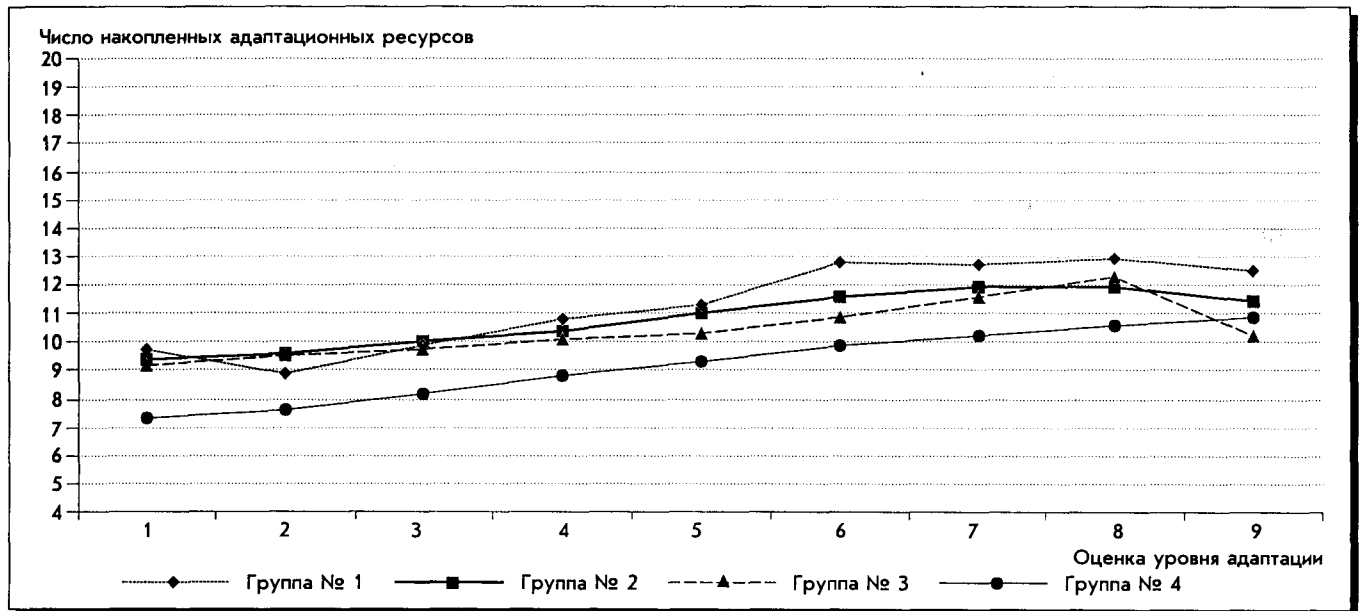

Рис. 2. Зависимость уровня адаптации от числа накопленных адаптационных ресурсов